

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕЦЕПТИВНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ РЕЧЕВОГО АКТА УГРОЗЫ
В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОНФЛИКТНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

*Н. А. Пробст*¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 11.05.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-3

Анализируются эмотивный аспект процессов продуцирования и перцепции речевого акта угрозы и специфика восприятия данного акта современным носителем русского языка. Рассматриваемый акт представляет собой инструмент побудительного воздействия на слушателя, эффективность которого напрямую зависит от силы иницируемых у него негативных эмоций тревоги, страха и т.д. При этом само продуцирование соответствующих высказываний нередко сопряжено с переживанием говорящим определенного эмоционального состояния, которое в некоторых случаях может служить катализатором императивного воздействия. Речевой акт угрозы, являясь элементом конфликтного дискурса, вступает в противоречие с традиционными принципами продуктивной коммуникации и законодательно-правовыми нормами любого развитого государства. Вместе с тем (при определенных обстоятельствах) в рамках повседневной коммуникации вербальная угроза с позиции продуцента речи может расцениваться и как способ реализации вполне оправданных с социально-этической точки зрения коммуникативных интенций. Для современного носителя русского языка рассматриваемый акт не является табуированным коммуникативным действием и может осознанно применяться им в целом ряде конфликтных ситуаций, связанных с защитой его достоинства, жизни, социальных ценностей и т.д.

Ключевые слова: *психолингвистика, теория речевых актов, коммуникация, стратегия подчинения, речевой акт угрозы, эмоциональность, оценочность*

Введение

Ситуация конфликта — событие, сопряженное со значительным количеством негативных коммуникативных явлений, одним из которых нередко становится вербализация агрессивных интенций одного участника общения по отношению к другому. Один из результатов такой вербализации — угроза — как известно, может быть выражен устно, письменно, демонстрацией намерения нанести физический, материальный или иной вред лицу или его правам и интересам, охраняемым законом (Большой юридический словарь). В рамках лингвистического исследования, представленного в настоящей статье, мы рассматриваем речевую реализацию акта угрозы в повседневном (бытовом) общении.

Речевой акт угрозы (далее – РАУ) на сегодняшний день достаточно подробно рассмотрен в многочисленных исследованиях в сфере теории речевых актов, теории коммуникации, психолингвистики и т.д. При этом наиболее широкое освещение, по нашим наблюдениям, получили следующие его аспекты:

– речеактовая природа речевого акта угрозы (Wunderlich, 1976; Nicoloff, 1989; Мартынова, 2006; Жучков, 2010; Новоженова, Пробст, 2019 и др.);

– дискурсивные практики использования речевого акта угрозы (Новоселова, 2013 и др.) и сопряженные с этим различные речевые тактики и стратегии его применения (Эпштейн, 2008; Иссерс, 2008; Чесноков, 2015 и др.);

– методология идентификации РАУ в письменной и устной речи и возможность ее применения в судебно-правовой практике (Баранов, 2014; Шахматова, 2015 и др.).

Следует при этом отметить, что, несмотря на все многообразие вышеупомянутых исследований, единый и однозначный взгляд на коммуникативную и функционально-семантическую природу угрозы по-прежнему отсутствует (Searle, 1979, с. 7; Жучков, 2009, с. 70; Бородин, 2019, с. 355), что в первую очередь детерминировано невозможностью его перформативного оформления.

Вместе с тем, насколько мы можем судить, в области изучения данного акта существует целый ряд сравнительно малоосвещенных вопросов. К их числу относится, например, специфика его оценки (как инструмента коммуникативного воздействия) самими носителями национального языка. Данный вопрос представляется нам весьма значимым: общеизвестно, что язык является отражением сознания народа-носителя; соответственно, распространение и особенности применения в нем тех или иных коммуникативных средств позволяют зафиксировать и охарактеризовать актуальные особенности развития национального менталитета. Следовательно, рост (или, наоборот, снижение) количественной и качественной «популярности» средств репрезентации речевой агрессии может дать основания для весьма интересных выводов о «сдвигах» в картине мира наших соотечественников. Особенно это актуально, по нашему мнению, для акта угрозы – речевого действия, обладающего как отчетливой манипулятивной спецификой, так и выраженной негативной эмоциональной окраской. Причем последняя – во всяком случае, если мы говорим о спонтанной речи в рамках обычной бытовой коммуникации – имеет, как правило, двусторонний характер: воздействию деструктивных (пусть и зачастую разных по природе и силе) эмоций в данном случае подвергаются оба участника общения.

В этой связи настоящая статья ориентирована на решение следующих задач:

– описать эмотивную составляющую процесса продуцирования акта вербальной угрозы в рамках конфликтной коммуникации;

– выявить особенности РАУ с точки зрения его коммуникативно-этической оправданности;

– установить и охарактеризовать отношение к вопросу применения РАУ в повседневном общении со стороны различных по возрасту и социальной принадлежности носителей современного русского языка.

В качестве иллюстративного материала нами были выбраны фрагменты российских драматических фильмов, снятых в период конца 1990-х – 2010-е годы.

Эмотивная основа речевого акта угрозы

Речевой акт угрозы, как известно, представляет собой один из инструментов стратегий подчинения (Parsons, 1963; Levine, Wheelless, 1997; Иссерс, 2008). Побудительная интенция в данном случае реализуется за счет обещания тем или иным образом нанести вред слушающему, что является грубым нарушением целого ряда норм продуктивной коммуникации, в первую очередь принципа вежливости Дж. Лича (Leech, 1983): очевидно, что РАУ по сути своей не может соответствовать максимам такта, великодушия и т. д. Применение данного акта однозначно свидетельствует о наличии критической разнонаправленности интересов/коммуникативных позиций участников общения, что является типичным атрибутом конфликта. В этой связи РАУ можно рассматривать как один из характерных элементов конфликтного дискурса, предполагающего реализацию «антиэтикетных целей, противоречащих позитивной направленности общения и ведущих к дестабилизации отношений участников коммуникации» (Каразия, 2006, с. 78).

Специфика исследуемого акта как коммуникативного действия в рамках конфликта во многом определяется эмотивным конституентом его природы. Как известно, некоторые исследователи считают целесообразным относить акт угрозы к оценочно-эмоциональным типам воздействия, связанным со спецификой межличностных субъективно-эмоциональных отношений (см., например, Федорова, 1991). При этом учеными в области психологии акцентируется деструктивная сущность угрозы и тех эмоций, которые становятся причиной появления угроз (Плотникова, 2017, с. 82). Очевидно, что во многих случаях употребление данного акта является следствием воздействия на говорящего таких негативных чувств, как раздражение, гнев, злоба по отношению к слушающему, и т. д. Это релевантно специфике речевого конфликта, сопровождающегося «межличностной напряженностью, переживаемой в виде эмоционального отрицательного отношения коммуникантов друг к другу, ситуации и факторам, ее порождающим» (Каразия, 2006, с. 78). Впрочем, нужно отметить, что наличие выраженной негативной эмоциональной базы не всегда выступает атрибутом продуцирования РАУ. Так, грабителю вовсе не обязательно испытывать к своей жертве неприязнь, чтобы делать ей «предложения, от которых нельзя отказаться». Однако все же, если мы говорим о повседневном конфликтном дискурсе, изначальный негативный эмоциональный импульс РАУ представляет собой весьма частотное явление. Например:

Муж-алкоголик: Деньги где – не видишь, меня трясет?!

Жена: Коля, я не брала.

Муж-алкоголик: Я тебе щас рожу разобью («Дурак», 00:01:09).

Очевидно, что герой, терзаемый муками алкогольного синдрома, испытывает в момент продуцирования вышеприведенного высказывания сразу два негативных чувства: раздражение по отношению ко всему миру в целом, обусловленное его негативным физическим состоянием, и злобу к своей жене, мешающей его желанию опохмелиться. Эти чувства, равно как и продиктованные ими интенции, в принципе неконструктивны по природе, а инициируемые их посредством действия говорящего (начиная с озвученного акта угрозы) имеют не просто асоциальный, а противозаконный характер.

В некоторых случаях, по нашему мнению, эмотивный конституент РАУ может превалировать над прагматическим (то есть связанным с побуждением к совершению / несовершению какого-либо действия). В этом случае речевой акт угрозы может являться своего рода репрезентацией аффективного состояния говорящего, обусловленного воздействием различных негативных эмоциональных состояний – гнева, раздражения, злобы, ненависти и т.д. В качестве иллюстрации приведем конфликтную ситуацию из кинофильма «Ворошиловский стрелок». Прокурор, рассматривавший дело об изнасиловании внучки главного героя (Ивана Федоровича), сообщает ему о закрытии дела «за отсутствием состава преступления» (хотя, как зритель знает по сюжету, такое преступление на самом деле произошло). При этом он дает рекомендацию герою «получше следить за воспитанием детей и внуков». Возмущенный Иван Федорович дает краткую, но крайне нелестную характеристику собеседнику и направляется к выходу. После этого происходит следующий диалог:

Прокурор: А ну пошел вон отсюда! И чтобы ноги здесь больше твоей не было!

Иван Федорович: Ой-ой-ой, смотрите – какой голосок у нас прорезался. Какие мы жирные, важные... Ах ты оккупант поганый! Рано вы уверовали в свою победу, рано! Заплатите... Придет время – за все заплатите, кровососы! («Ворошиловский стрелок», 00:40:25).

Угроза «За все заплатите», очевидно, носит общий характер и не подразумевает каких-то конкретных действий со стороны Ивана Федоровича, нацеленных на организацию справедливого возмездия «кровососам». Ее продуцирование – результат переживания продуцентом эмоций гнева, возмущения и разочарования, вызванных действиями законной власти.

Задачей подобных угроз, на наш взгляд, является, с одной стороны, «разрядка» накопившихся негативных чувств, с другой – инициация у слушающего определенного эмоционального состояния, связанного с чувствами страха, тревоги и неопределенности.

Эмотивная составляющая продуцирования акта угрозы может проявляться как на вербальном (экспрессивно окрашенная или даже обцененная лексика), так и невербальном уровнях (интонация, позы, движения и т.д.) (см., например: Probst, Shkapenko, Tkachenko, Chernyakov, 2018, p. 221). При этом, по нашему мнению, во многих случаях (по крайней мере если мы говорим о бытовом общении обычных людей) наличие выраженного эмоционального конституента акта угрозы может при определенных обстоятельствах придавать ему дополнительную императивную силу: слушающий понимает, что говорящий испытывает сильные эмоции, которые могут послужить катализатором его негативной реакции на отказ подчиниться.

Коммуникативная оправданность применения речевого акта угрозы

Итак, РАУ является, как мы выяснили, средством реализации эмоционального давления на слушающего с целью принуждения его к совершению того или иного действия и часто носит противоправный характер. Однако при изначально присущей РАУ отрицательной коммуникативно-семантической окраске данный акт (как и любой другой речевой инструмент) может применяться и для реализации условно конструктивных целей — например, в тех ситуациях, когда один участник коммуникации или какие-либо связанные с ним действия и явления представляют опасность для другого, окружающих и т.д. В качестве иллюстрации приведем следующий фрагмент из художественного фильма С. Бодрова «Сестры». В нем в ответ на попытку незнакомого мужчины (цыгана) ухватить одну из героинь — восьмилетнюю девочку Дину — та кричит: «Не трогай меня! Не трогай! Я папе расскажу, что вы меня трогали! Он вас убьет всех! Мой папа — бандит, Алик Муртазаев зовут!» («Сестры, 00:42:30).

Очевидно, что в сложившейся ситуации (одни в чужом городке, поздний вечер, цыганский притон) речеповедение Дины с точки зрения его соответствия этическим нормам общения сложно считать некорректным: речь идет о самозащите в условиях крайней ограниченности возможных мер коммуникативного воздействия (вряд ли в данном случае в распоряжении малолетней героини существуют какие-то другие инструменты влияния на взрослых собеседников, явно имеющих отношение к криминальным структурам).

РАУ может использоваться и как элемент речевой тактики подчинения, направленной на решение коммуникативных задач, связанных с защитой общества от социально опасных элементов, — например, в профессиональной деятельности сотрудников полиции. В качестве примера можно привести следующий фрагмент из уже упоминавшегося фильма С. Говорухина «Ворошиловский стрелок». В нем представлена сцена оперативного допроса капитаном опергруппы милиции (в исполнении С. Гармаша) Бориса Чуханова (А. Макаров) — участника группового изнасилования.

Чуханов: Я ни в чем сознаваться не буду!

Капитан: Я тебе такое устрою, сучонок... Ты не то что в этом сознаешься — убийство принцессы Дианы на себя возьмешь, понял?

Чуханов: Я ничо не подпишу.

Капитан: Не подпишешь?

Чуханов: Не-а!

Капитан: И не надо! (обращается к подчиненному) Степанов! Ко мне! Этого — прямо в изолятор. В камеру к уголовникам, на сутки. И рассказать, что эта мразь сделала с ребенком... (снова обращаясь к Чуханову) Знаешь, что там делают с такими, кто попадает на изнасиловании? Сначала придушивают полотенцем — чтоб не сопротивлялся, чтоб тело приобрело нужную мягкость и женственность. Потом... Задница у тебя, прямо скажем, бабья, для уголовничков — просто подарок... А наутро передают в другую камеру. Выменяют на пару бутылок водки.

Чуханов: Че, ты серьезно?

Капитан: И, главное, по закону! («Ворошиловский стрелок», 00: 21: 35).

В данном фрагменте, с нашей точки зрения, присутствует сразу два РАУ. Первый — вариант с эксплицитно выраженной комиссивной («Я тебе такое устрою, сучонок... Ты не то что в этом сознаешься — убийство принцессы Дианы на себя возьмешь, понял?») и контекстуально выраженной директивной частью (которую можно выразить словами «Сознавайся и пиши чистосердечное признание»). Во втором РАУ директивная и комиссивная части имплицированы: с формальной точки зрения речевой фрагмент, в котором капитан в красках описывает участь насильников в ИВС, представляет собой повествование, содержащее, с одной стороны, рассказ о тюремных нравах, с другой — характеристику некоторых внешних данных собеседника. Однако на содержательном уровне здесь, по нашему мнению, вполне четко представлена угроза: указание на «радужные» перспективы Чуханова недвусмысленно направлено на инициацию у него ключевой для угрозы эмоции — чувства страха, и, таким образом, содержит сему обещания (которую можно выразить фразой «Будет тебе “теплый прием” у уголовников»). Директивная же часть была имплицитно сформирована еще в рамках предшествующего диалога (требование сознаться добровольно).

Вопрос о допустимости подобного метода ведения оперативного допроса находится за рамками настоящей статьи. Отметим лишь следующее. С позиции закона капитан допускает сразу несколько серьезных нарушений, связанных с превышением служебных полномочий. Вместе с тем — с учетом того, что к моменту начала этого допроса у милиционеров уже были основания для обвинения, — речевые действия сотрудника полиции (включая использование вышеуказанных РАУ), с точки зрения рядового обывателя, можно квалифицировать, с одной стороны, как попытку выявить и изолировать опасную в социальном отношении личность, с другой — как своеобразный акт справедливого возмездия. Об этом свидетельствует количество «лайков», поставленных соответствующему ролику на Youtube, и множество комментариев, в которых одобряется поведение героя С. Гармаша.

Таким образом, неинституциональный и нарушающий все максимы вежливости акт угрозы может, с точки зрения носителя языка (разумеется, с целым рядом существенных оговорок), представлять собой не только асоциальное коммуникативное действие, но и речевой инструмент решения задач, не являющихся предосудительными с позиции традиционных этико-нравственных ценностей (к которым относятся, например, защита жизни и здоровья отдельного гражданина, существующего общественного порядка).

Речевой акт угрозы как коммуникативный инструмент с точки зрения современного носителя русского языка

С целью начального выявления некоторых аксиологических особенностей восприятия РАУ в повседневной коммуникации современными носителями русского языка мы разработали небольшой (состоящий всего из 10 пунктов) анонимный опрос, реализованный на базе интернет-ресурса Google Forms (см.: <https://docs.google.com/forms/d/1dHMS19maMieE3OvRIEq-3dgdYASK1Yns8cVQqbZVmWU/edit>). В качестве респондентов привлекались добровольцы из числа сотрудников, преподавателей и учащихся БФУ им. И. Канта и их ближайшего окружения. Набранная таким образом фокус-группа к моменту написания статьи насчитывала 67 участников.

Должны сразу отметить следующий факт. Как известно, конструируемая в сознании человека картина мира — и определение своего места в этой картине — всегда в той или иной мере отличается от объективно существующей реальности. Соответственно, результаты самоанализа респондентов при выборе ответа на тот или иной пункт разработанного нами опроса, очевидно, не могут отражать в полной мере реального положения дел в действительности. Так, совсем не факт, что, скажем, 72 % ответивших на вопрос 5 (как респондент оценивает свою обычную модель конфликтного поведения), в самом деле в большинстве случаев придерживаются конструктивного подхода к разрешению конфликтных ситуаций. В этой связи мы полагаем, что полученные путем опроса данные представляют определенную значимость не столько как объективный показатель существующего положения дел, сколько как экспликатор психолого-коммуникативных (и отчасти ценностных) установок современного носителя русского языка, проявляющихся на уровне конфликтного общения.

Итак, рассмотрим содержание нашего опроса: формулировку, цель и результаты каждого из входящих в него пунктов.

Пункты 1–3. Первые три вопроса были связаны с идентификацией некоторых ключевых личностных характеристик целевой аудитории опроса (возраст, пол, специальность).

Результат: наибольшую активность в вопросе прохождения разработанного нами опроса предсказуемо проявили представители молодого поколения, что соответствующим образом отразилось на социально-возрастном составе сформированной фокус-группы: 35,8 % от общего числа респондентов составили лица до 21 года, еще 35,8 % — до 30 лет

(общий процент студентов при этом составил 43,3 %); 19,4 % приходится на людей от 31 до 45 лет, 7,5 % — на 46–65 лет и лишь 1,5 % — на представителей старшего поколения начиная от 66 лет. Помимо студентов лидирующие по частотности позиции в плане текущего рода занятий среди опрошенных занимают специалисты с высшим образованием (34,3 %). В гендерном отношении наша фокус-группа была преимущественно женской по составу — 59,7 % против 40,3 % мужчин.

Пункт 4: «Насколько часто в рамках вашей повседневной (бытовой, профессиональной) коммуникации вам приходится сталкиваться с конфликтными ситуациями, в которых одна из сторон использует РАУ: 1) практически никогда; 2) редко; 3) не слишком редко, но и не очень часто; 4) часто; 5) постоянно?»

Цель: выявление частотности присутствия соответствующего инструмента речевой манипуляции в коммуникативном пространстве современных носителей русского языка. Анализ ответов на данный вопрос позволяет, с одной стороны, сделать определенные предположения о характерности такого средства агрессивной коммуникации, как РАУ, для русскоязычного бытового общения и о связанной с этим спецификой мировосприятия ее участников. С другой стороны, высокая или низкая частотность «встреч» человека с РАУ в его обыденной жизни, на наш взгляд, способствует и формированию его отношения к вербальным угрозам как нормальному (или, наоборот, исключительному) способу реализации собственных коммуникативных интенций.

Результат: большая часть опрошенных (42,4 %) с исследуемым речевым актом в своем бытовом общении сталкивается редко, 21,2 % — «средне» (не слишком редко, но и не часто), 9,1 % — часто и лишь 4,5 % живут в атмосфере постоянного угрожающего коммуникативного воздействия. При этом процент людей, которые практически не сталкиваются с данным актом, на наш взгляд, довольно высок — 22,7 %. Подобное соотношение объясняется, на наш взгляд, родом занятий большинства опрошенных, так или иначе связанных с университетской средой (студенты, преподаватели и сотрудники БФУ им. И. Канта), традиционно предполагающей соблюдение ее представителями определенных норм и традиций культурного общения.

Пункт 5: «Свойственную вам модель поведения в различных конфликтных ситуациях, случающихся в вашей жизни, вы оцениваете как: 1) конструктивную (стремление к поиску взаимовыгодного компромисса, демонстрация по возможности доброжелательного отношения к оппоненту, проявление искренности и терпимости и т.д.); 2) деструктивную (стремление морально подавить, “уничтожить” оппонента всеми возможными речевыми средствами, в том числе неэтикетными и т.д.); 3) пассивную (стремление уйти от конфликта любой ценой, в том числе за счет соглашения с любыми претензиями и замечаниями оппонента и т.д.)».

Цель: оценка готовности к продуцированию менасивных речевых актов (в том числе РАУ) в повседневной конфликтной коммуникации современными носителями русского языка. При выборе вышеописан-

ных моделей конфликтного поведения мы опирались на классификацию, представленную в работе А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова (Анцупов, Шипилов, 2000). При разработке данного вопроса учитывали тот факт, что вышеуказанная оценка носит, разумеется, условный характер: приверженность неконструктивным моделям поведения в ситуации столкновения интересов не подразумевает обязательного применения такой формы воздействия, как угроза. Вместе с тем связь между обычной для человека конфликтной моделью поведения и вероятностью/ частотностью применения им РАУ представляется нам очевидной. Так, вряд ли носитель языка, предпочитающий по-настоящему продуктивные – то есть учитывающие позицию оппонента, направленные на установление взаимопонимания – варианты разрешения конфликта, будет активно применять угрозы в адрес своего оппонента. Еще менее склонен их использовать сторонник пассивной поведенческой модели. Зато в условиях, когда участник конфликта готов всеми способами «сломить» другого коммуниканта, вероятность применения им РАУ, по нашему мнению, весьма высока.

Результат: большинство опрошенных (73,1 %) полагают, что им свойственна конструктивная модель разрешения конфликтных ситуаций, 14,9 % – что пассивная, и лишь 11,9 % признают за собой склонность к деструктивному подходу к ведению бытовых «дискуссий». Даже если процент сторонников первого варианта в реальности значительно ниже заявленного (что вполне возможно), все же он достаточно высок, чтобы предполагать отсутствие выраженной склонности к продуцированию конфликтных ситуаций и связанный с этим низкий уровень «угрозопродукции» у современных носителей русского языка.

Пункт 6: «Из нижеперечисленных героев известных отечественных и зарубежных художественных фильмов наиболее привлекательным для вас с точки зрения коммуникативного поведения в рамках различных конфликтных ситуаций являются:

1) Вито Корлеоне / Майкл Корлеоне (кинотрилогия «Крестный отец»); 2) Фрэнк Касл (цикл художественных фильмов, телесериал «Каратель»); 3) Форрест Гамп (х/ф «Форрест Гамп»); 4) Владимир Шарапов (х/ф «Место встречи изменить нельзя»); 5) Егор Полушкин (х/ф «Не стреляйте в белых лебедей»); 6) Данила Багров (х/ф «Брат»); 7) Артур (х/ф «Коллектор»); 8) ни один из вышеуказанных героев».

Цель: выяснение склонности носителя русского языка к той или иной модели речевого поведения в конфликтных ситуациях (предполагающих возможность использование коммуникантами стратегии подчинения с применением РАУ). Для достижения указанной цели мы предприняли попытку отобрать ряд более или менее узнаваемых киногероев, придерживающихся определенной модели речеповедения – конструктивной, деструктивной и конформной – в ситуации столкновения интересов / коммуникативных намерений. При их отборе необходимо было учитывать следующую сложность: поскольку конкретной социально-возрастной аудитории у опроса не было (привлекались, как было указано выше, все желающие), «эталонные» для нашего исследо-

вания герои должны были быть в той или иной мере известны большинству респондентов. Без специального исследования это представлялось нам весьма затруднительным: современные молодые люди (в возрасте до 25 лет), по нашим наблюдениям, часто не знакомы с популярными в прошлом веке фильмами и их героями, представители старших (от 40 лет) поколений не знают или не понимают кинокумиров молодежи. В этой связи при выборе персонажей для опроса мы исходили не только из такого фактора, как популярность кинопроизведения², но и времени и места его создания. Поэтому в некоторых случаях для репрезентации одной модели конфликтного поведения использовались персонажи фильмов разных «кинематографических эпох». Еще одним важным условием, которым мы руководствовались при выборе «кандидатов», были относительная актуальность и условная реалистичность конфликтных ситуаций, в которых им предстояло действовать. В итоге наш выбор сформировался следующим образом:

— выражено деструктивная модель речеповедения: Фрэнк Касл (ветеран войны, мститель-антигерой из известного цикла комиксов «The Punisher», в 2018 году получившего успешную сериальную адаптацию), Данила Багров (ветеран чеченской кампании, главный герой культовой в России дилогии А. Балабанова «Брат»);

— «смешанная» модель агрессивного речеповедения (умеренно деструктивная с возможностью использования при необходимости характерных средств и приемов конструктивной модели): мафиозные боссы Вито и Майкл Корлеоне (центральные персонажи классической криминальной киноэпопеи Ф. Кошполы «Крестный отец»), коллектор Артур (протагонист относительно успешного драматического фильма 2016 года «Коллектор», снятого А. Красовским);

— преимущественно конструктивная модель речеповедения: Владимир Шарапов (оперуполномоченный МУРа, главный герой легендарного многосерийного детектива С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя»);

— преимущественно конформная модель поведения (при возможности, в случае необходимости, проявить принципиальность и мужество): Егор Полушкин (немного чудаковатый, но в высшей мере добрый и мягкий герой фильма Р. Нахапетова «Не стреляйте в белых лебедей»), Форрест Гамп (отсталый с точки зрения интеллекта, но прекрасной души человек — персонаж знаменитого кинопроизведения Р. Земекиса «Форрест Гамп»).

Должны отметить, что, как показала практика, не всегда вышеозначенный выбор персонажей для изучения интересующего нас вопроса оказался удачен. Это подтверждается значительным числом респондентов, выбравших вариант «Ни один из вышеперечисленных героев» (40,9%); исключительно низкая частотность выбора ответов «Фрэнк

---

² В качестве критерия измерения указанного фактора мы использовали рейтинг произведения на крупнейшем русскоязычном интернет-сервисе о кино «Кинопоиск».

Касл», «Артур», «Егор Полушкин» свидетельствует о том, что эти герои, возможно, оказались просто неизвестны большинству опрошенных (что было позже подтверждено и личной беседой с рядом участников).

Результаты: наибольшее количество «голосов» получил вариант «Данила Багров» (16,7 %); далее – Вито / Майкл Корлеоне (13,6 %), Владимир Шарапов (12,1 %), Форрест Гамп (9,1 %), Артур (4,5 %) и Егор Полушкин (3 %). Таким образом, можно – разумеется, с определенными оговорками – сделать вывод о том, что для большинства опрошенных более привлекательной выглядит очень жесткая, временами агрессивно-ультимативная модель поведения в конфликтных ситуациях. Следовательно, данное отношение распространяется и на использование РАУ, которые и Данила Багров, и главы клана Корлеоне при необходимости применяют без колебаний. Этот вывод подтверждают и ответы респондентов на вопросы 8–10.

Пункт 7: «Речевой акт угрозы представляет собой высказывание, в котором говорящий сообщает адресату, что нанесет ему определенный вред, если адресат не поступит (поступит) определенным образом. Выберите, какое еще определение отражает, на ваш взгляд, сущностные особенности акта угрозы: 1) речевой акт угрозы – акт речевой агрессии, направленной на подавление воли и самосознания личности слушающего с целью принуждения его к выполнению тех или иных действий; 2) речевой акт угрозы – речевое действие, сопряженное с оказанием негативного эмоционального воздействия на слушающего с целью побуждения последнего к совершению определенных действий, желательных для говорящего; 3) речевой акт угрозы – один из условно эффективных способов манипулятивного воздействия на слушающего с целью достижения различных коммуникативных целей говорящего».

Цель: выявить прагмасемантическую специфику понимания носителями русского языка содержательной сути РАУ. Для этого мы предложили три варианта определения соответствующего акта, предполагающего, по нашей мысли, различные подходы к пониманию исследуемого коммуникативного инструмента. Так, первый вариант нами позиционируется как условно отрицательный, указывающий на деструктивную природу РАУ, что маркируется с помощью таких лексем, как «агрессия», «подавление», «принуждение». Второй вариант предполагал относительно нейтральное по сути определение практически без отрицательно маркированной лексики. Третий же вариант, по нашему замыслу, должен был детерминировать РАУ в качестве результативного средства реализации намерений коммуниканта, исключая какую-то негативную оценку этого акта. Соответственно, выбор респондентов должен был продемонстрировать, каким образом они расценивают исследуемое речевое действие: как проявление агрессии, просто как один из существующих в русском языке типов речевых актов или как удобный инструмент речевого воздействия, который не лучше и не хуже других.

Результат: большинство респондентов воспринимают акт угрозы в достаточно нейтральном ключе (вариант 2 – 38,8 %); при этом нена-

много меньшее количество опрошенных все-таки рассматривают данный акт с точки зрения его утилитарной функции (35,8 %) и лишь 25,4 % респондентов видят в нем проявление деструктивных установок его продуцентов.

Пункт 8: «Использование речевых актов угрозы в различных бытовых конфликтных ситуациях вы оцениваете как: 1) принципиально недопустимое (вне зависимости от ситуации); 2) допустимое только в критических с вашей точки зрения бытовых ситуациях (например, связанных с риском для здоровья, благополучия, карьеры и т.д.); 3) допустимое в большинстве случаев, когда с помощью угрозы можно добиться тех или иных положительных для реализации профессиональных или личных задач результатов».

Цель: выявить аксиологическую специфику восприятия носителями русского языка такого коммуникативного действия, как продуцирование РАУ в рамках конфликта.

Результат: подавляющее число респондентов (56,7 %) полагает, что РАУ можно использовать при необходимости; немало и тех, кто считает соответствующее коммуникативное действие неприемлемым (32,8 %). Лишь 10,4 % опрошенных считает оправданным применение РАУ при любом удобном случае

Пункт 9: «Недопустимость использования любых форм речевой угрозы для вас обусловлена следующими факторами (выберите наиболее значимый для вас вариант; если при ответе на вопрос 8 вы выбрали варианты 2 или 3, при ответе на данный вопрос выберите вариант 6): 1) несоответствие сути речевого акта угрозы принятым в цивилизованном обществе нормам культурного общения; 2) несоответствие сути речевого акта угрозы вашим философско-религиозным установкам; 3) возможность привлечения к административной или уголовной ответственности за применение речевых актов угроз в тех или иных конфликтных ситуациях; 4) опасность применения речевых актов угрозы в плане возможности дальнейшей эскалации конфликта / непоправимого ущерба в отношениях с другими коммуникантами; 5) меньшая эффективность речевых актов угрозы по сравнению с другими средствами коммуникативного воздействия (убеждение, лесть и т.д.); 6) – ».

Цель: уточнить причины недопустимости использования РАУ с точки зрения его противников среди современных носителей русского языка.

Результат: подавляющее число тех, кто убежден в неприемлемости РАУ, исходят из факта его противопоставленности нормам цивилизованного общения (25,4 %); 9 % опрошенных считают данный акт верным путем к усугублению конфликтной ситуации и кризису отношений с собеседником; соображения философско-религиозного и правового характера, равно как и идея о сравнительной коммуникативной неэффективности рассматриваемого акта, волнуют лишь по 4,5 % респондентов в каждом случае.

Пункт 10: «Применение речевого акта угрозы в повседневной — в том числе сетевой — коммуникации вы считаете оправданным в сле-

дующих случаях (можно отметить несколько вариантов; если при ответе на вопрос 8 вы выбрали вариант 1, при ответе на данный вопрос выберите вариант 7): 1) проблемные ситуации воспитания, связанные с необходимым воздействием на ребенка / родственника / младшего коллегу / подчиненного и т.д.; 2) ситуации, связанные с защитой ваших здоровья и жизни (или ваших близких); 3) ситуации, связанные с защитой вашей чести и достоинства (или ваших близких) («урезонить» обидчика посредством угрозы); 4) ситуации, связанные с защитой духовно-нравственных или социально-культурных ценностей (например, с целью призвать к порядку хулигана, остановить вандала, пресечь общественно вредную информационную деятельность тех или иных лиц в интернете и т.д.); 5) ситуации, связанные с отстаиванием личных (финансовых, карьерных, семейных, любовных и т.д.) интересов; 6) ситуации, связанные с потребностью принудить собеседника согласиться с вашей точкой зрения на те или иные вопросы (например, в ходе конфликта в социальных сетях); 7) —».

Цель: выявить, какие конфликтные ситуации носитель современного русского языка рассматривает как наиболее плодотворную почву для продуцирования РАУ.

Результат: первое место среди вышеперечисленных поводов для данного действия занимает вариант, связанный с защитой чести и достоинства самого человека и его близких (28,8 %); духовно-нравственные и социально-культурные ценности готовы защищать с помощью угроз 24,2 % опрошенных; конфликтные ситуации, сопряженные с необходимостью самозащиты или жестких воспитательных мер, респонденты считают уже менее подходящими в плане применения РАУ (по 21,2 %); в сугубо личных целях использование РАУ — для решения проблем материального или семейного порядка либо утверждения своей позиции в ходе разнообразных дискуссий — участники опроса считают не самой удачной идеей: варианты 5 и 6 отметили лишь 16,7 и 4,5 % респондентов соответственно.

Заключение

В русском коммуникативном сознании (по крайней мере, на уровне бытового конфликтного общения) применение РАУ не является действием табуированным — даже несмотря на то, что отечественное законодательство и подразумевает наказание за его использование.

Исследуемый акт выступает частью стратегии подчинения и представляет собой яркий элемент конфликтного дискурса. Основа продуцирования и перцепции РАУ — негативная эмоционально-интенциональная составляющая: производство данного акта часто сопряжено (а нередко и инициировано) с целым спектром негативных эмоций (раздражение, злоба и т.д.) по отношению к другому участнику общения, а конечная его цель — порождение чувства страха у слушающего.

По своей коммуникативной сути вербальная угроза является достаточно деструктивным речевым инструментом, посредством которого

могут реализовываться самые разнообразные негативные (в том числе и противозаконные) намерения говорящего. В этом качестве РАУ, безусловно, противоречит всем нормам общения, включая этические. Однако в число интенций продуцента речи могут входить и вполне положительные — стремление защитить себя и своих близких, предотвращение тех или иных общественно опасных поступков отдельных лиц и т. д. В этом случае применение РАУ может считаться рядовым носителем русского языка коммуникативно оправданным действием.

Подтверждение сказанному, по нашему мнению, представляют собой результаты разработанного нами опроса, который продемонстрировал достаточно утилитарное отношение современных носителей русского языка к использованию такого агрессивного по природе инструмента речевой манипуляции, как угроза. Большинство опрошенных учитывает его неинституциональный характер, однако тех, кто стремится вовсе исключить данный акт из повседневного речевого пространства, относительно немного. Интересно, на наш взгляд, и то, что главными причинами отказа от использования РАУ являются факторы социально-коммуникативного характера: желание следовать традиционным нормам культурного общения и, в меньшей мере, избежать обострения конфликта и ухудшения отношений с собеседником.

Иными словами, в данном акте, с точки зрения современного россиянина, нет ничего предосудительного, если он применяется «по делу». При этом наиболее релевантными для использования актов угрозы современный русскоговорящий человек, согласно данным нашего исследования, считает конфликтные ситуации, связанные с отстаиванием своих чести и достоинства и с защитой общественного порядка.

Список литературы

- Анциупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. М., 2000.
- Баранов А. Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. №4 (36). С. 139–147.
- Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18992> (дата обращения: 15.03.2020).
- Бородина Ю. Э. Речевой акт угрозы в свете лингвистической экспертизы (на примере произведений жанра фэнтези) // Достижения и перспективы развития молодежной науки : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2019. С. 354–360.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.
- Жучков Д. О. К вопросу об определении и классификационной принадлежности речевого акта угрозы // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №2. С. 69–71.
- Жучков Д. О. Речевой акт угрозы как объект прагмалингвистического анализа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010.
- Каразия Н. А. Лингвопрагматическое исследование конфликтного дискурса // Вестник КРАУНЦ. Сер.: Гуманитарные науки. 2006. №2 (8). С. 72–88.

Мартынова И.А. Функционально-прагматическое поле менасивных речевых актов: На материале современной англоязычной художественной литературы : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.

Новоженова З.Л., Пробст Н.А. К вопросу о речеактовой природе вербальной угрозы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. №4. С. 31–36.

Плотникова А.М. Лингвокреативные механизмы конструирования речевого акта «угроза» // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2017. №2. С. 81–88.

Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. №6. С. 46–50.

Чесноков И.И. Дискурсивная тактика угрозы: косвенные формы объективации (предупреждения) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. №2 (97). С. 132–138.

Шахматова Т.С. Речевой акт косвенной угрозы в практике судебной лингвистической экспертизы // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, №5. С. 286–294.

Эпштейн О.В. Коммуникативно-речевые стратегии и приемы реализации угрозы в политическом дискурсе // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2008. №1 (51). С. 27–33.

Leech G.N. Principles of Pragmatics. L., 1983.

Levine T.R., Wheelless L.R. Situational intimacy as a predictor of compliance-gaining tactic selection // Communication Research Reports. 1997. Vol. 1. P. 132–144.

Nicoloff F. Threats and Illocutions // Journal of Pragmatics. 1989. Vol. 13, iss. 4. P. 501–522.

Parsons T. On the concept of influence // The Public Opinion Quarterly. 1963. Vol. 27. P. 37–62.

Probst N., Shkapenko T., Tkachenko A., Chernyakov A. Speech act of threat in everyday conflict discourse: production and perception // Lege Artis. 2018. Vol. 3, №2. P. 204–250.

Searle J.R. Expression and Meaning. L.; N. Y.; Melbourne, 1979.

Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt a/M., 1976.

Список источников

«Дурак» (драма, Россия, 2014). Режиссер – Ю. Быков.

«Ворошиловский стрелок» (драма, криминал, Россия, 1999). Режиссер – С. Говорухин.

«Сестры» (драма, криминал, Россия, 2001). Режиссер – С. Бодров-мл.

Об авторе

Никита Артурович Пробст, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: NProbst@kantiana.ru

Для цитирования:

Пробст Н.А. Эмоциональный и рецептивно-аксиологический аспекты речевого акта угрозы в русскоязычной повседневной конфликтной коммуникации // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №4. С. 28–44. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-3.

EMOTIONAL AND RECEPTIVE-AXIOLOGICAL ASPECTS
OF THE SPEECH ACT OF THREAT
IN EVERYDAY CONFLICT COMMUNICATION IN RUSSIAN

N. A. Probst¹

¹ Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University
56a, Chernyshevsky St., Kaliningrad, Russia
Submitted on April 23, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-3

The article analyses the emotive aspect of the production and perception of the speech act of threat and the specificity of the perception of this act by a modern native speaker of Russian. The act of threat is an instrument of influence exerted on the listener. Its effectiveness depends on the strength of the negative emotions of anxiety, fear, etc. initiated in the listener. At the same time, the production of threatening statements is often associated with the speaker's emotional state, which in some cases can serve as a catalyst for imperative influence. The speech act of threat, being an element of conflict discourse, contradicts the traditional principles of productive communication and the legal norms of any developed state. In everyday communication, a verbal threat can be regarded as a way of implementing communicative intentions that are completely justified from the socio-ethical point of view. For a modern Russian speaker, threat is not a communicative taboo and can be deliberately used in conflict situations related to the protection of human dignity, life, social values, etc.

Keywords: psycholinguistics, theory of speech acts, communication, strategy of submission, speech act of threat, emotionality, evaluation

References

- Antsupov, A.J. and Shipilov, A.I., 2000. *Konfliktologiya* [Conflictology]. Moscow (in Russ.).
- Baranov, A.N., 2014. The phenomenon of threat in linguistic theory and expert practice. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy* [Theory and practice of forensic science], 4 (36), pp. 139–147 (in Russ.).
- Sukharev, A. Ya., ed., n.d. *Bol'shoj yuridicheskij slovar'* [Big Law Dictionary]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18992> [Accessed 15 March 2020] (in Russ.).
- Borodina, Yu.E., 2019. Threat speech act in the light of linguistic expertise (on the example of works of the fantasy genre). In: A.B. Cheremisin, ed. *Dostizheniya i perspektivy razvitiya molodezhnoi nauki: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Achievements and prospects for the development of youth science: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Petrozavodsk. pp. 354–360 (in Russ.).
- Issers, O.S., 2008. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communication strategies and tactics of Russian speech]. Moscow (in Russ.).
- Zhuchkov, D.O., 2009. On the question of the definition and classification of the threat speech act. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhdkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2, pp. 69–71 (in Russ.).
- Zhuchkov, D.O., 2010. *Rechevoi akt ugrozy kak ob'ekt pragmalinguisticheskogo analiza* [Threat speech act as an object of pragmalinguistic analysis]. Ph.D. Voronezh State University (in Russ.).
- Karaziya, N.A., 2006. Linguistic Pragmatic Study of Conflict Discourse. *Vestnik Kamchatskoj regional'noj assotsiatsii "Uchebno-nauchnyj tsentr". Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Kamchatka Regional Association "Educational and Scientific Center" Series "Humanities"], 2(8), pp. 72–88 (in Russ.).

Martynova, I. A., 2006. *Funktional'no-pragmaticheskoe pole menasivnykh rechevykh aktov: Na materiale sovremennoi angloyazychnoi khudozhestvennoi literatury* [The functional-pragmatic field of changeable speech acts: Based on the material of modern English-language fiction]. Ph. D. Samara State Pedagogical University (in Russ.).

Novozhenova, Z. L. and Probst, N. A., 2019. On the question of the speech act nature of the verbal threat. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Bulletin of the Baltic Federal University I. Kant. Ser.: Philology, pedagogy, psychology], 4, pp. 31–36 (in Russ.).

Plotnikova, A. M., 2017. Linguo-creative mechanisms for constructing a speech act "threat". *Ural'skii filologicheskii vestnik. Ser.: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [Ural philological bulletin. Ser.: Language. System. Personality: Linguistics of creativity], 2, pp. 81–88 (in Russ.).

Fedorova, L. L., 1991. Typology of speech impact and its place in the structure of communication. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 6, pp. 46–50 (in Russ.).

Chesnokov, I. I., 2015. Discursive threat tactics: indirect forms of objectification (warning). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2(97), pp. 132–138 (in Russ.).

Shahmatova, T. S., 2015. Speech act of indirect threat in the practice of forensic linguistic examination. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Ser.: Humanities], 157(5), pp. 286–294 (in Russ.).

Epshtein, O. V., 2008. Communicative speech strategies and techniques for implementing the threat in political discourse. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University], 1 (51), pp. 27–33 (in Russ.).

Leech, G. N., 1983. *Principles of Pragmatics*. London.

Levine, T. R. and Wheeler, L. R., 1997. Situational intimacy as a predictor of compliance-gaining tactic selection. *Communication Research Reports*, 1, pp. 132–144.

Nicoloff, F., 1989. Threats and Illocutions. *Journal of Pragmatics*, 13(4), pp. 501–522.

Parsons, T., 1963. On the concept of influence. *The Public Opinion Quarterly*, 27, pp. 37–62.

Probst, N., Shkapenko, T., Tkachenko, A. and Chernyakov, A., 2018. Speech act of threat in everyday conflict discourse: production and perception. *Lege Artis*, 3 (2), pp. 204–250.

Searle, J. R., 1979. *Expression and Meaning*. London, New York, Melbourne.

Wunderlich, D., 1976. *Studien zur Sprechakttheorie*. Frankfurt a/M.

Films

"The Fool" (drama, Russia, 2014). Directed by Yu. Bykov.

"The Voroshilovsky shooter" (drama, crime, Russia, 1999). Directed by S. Govoruhin.

"The Sisters" (drama, crime, Russia, 2001). Directed by S. Bodrov, Jr.

The author

Dr Nikita A. Probst, Associate Professor, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NProbst@kantiana.ru

To cite this article:

Probst, N. A. 2020, Emotional and receptive-axiological aspects of the speech act of threat in everyday conflict communication in Russian, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 4, p. 28–44. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-3.